

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС НА СОЛИДАРНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В. А. Сауткина

Сауткина Вера Алексеевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6891-7726

Аннотация. Во время переходных состояний, в условиях неопределенности и рисков в обществе усиливается потребность найти нечто общее, что побуждает разных людей держаться вместе. При отсутствии возможности реального сотрудничества в области решения проблем общественного благосостояния, в поисках новых целей и смыслов появляется потребность оглянуться назад, найти нужное в «хорошо забытом старом» и продвигаться вперед на этой основе. В такие времена в научном дискурсе актуализируется рассмотрение феномена солидарности в качестве главного фактора развития институтов взаимопомощи индивидов, социальных групп и сообществ. Изучение феномена солидарности усложняется тем, что он становится предметом самых различных дискурсов — идеологических и политических. При научной интерпретации факта присутствия или отсутствия данного явления в каждом конкретном событии социальной реальности важно не оказаться внутри одного из них. Из-за традиционно сложившегося факта смешения этих дискурсов такой подход становится одной из важных, но до сих пор трудно разрешимых методологических проблем. В данной статье поставлена задача: оценить перспективы гражданского участия и создания институциональной среды взаимодействия, в которой проявляется готовность к солидаристским практикам. В основу исследования положено предположение, что в условиях формирования нового вида социальной реальности, когда человек и целые группы людей существуют одновременно в двух измерениях — традиционно институционализированном и виртуальном, появляются иные механизмы производства солидарных действий. Применяя методологический подход рассмотрения феномена солидарности в трех плоскостях — социальной, политической и экономической, в работе мы показываем, как в онлайн-пространстве зарождаются его новые типы и формы, открывающие и возможности консолидации, и риски неоправданных ожиданий.

Ключевые слова: идейно-политическая солидарность, солидаризм, риск-солидарность, социальное пространство, приватное пространство, пространство гражданской солидарности, солидарная экономика.

Проблемы общественной солидарности нашли отражение в самых противоположных направлениях социальной мысли, а в интерпретации фактов зачастую доминировала не социологическая трактовка, а идеология и мировоззрение авторов. Вместе с тем разнообразие теорий и концепций социальной солидарности позволяет рассматривать возможности их влияния на процесс формирования общественного запроса и сопоставлять различные типы и формы солидарности, которые были реализованы в различных странах. Классики и современные исследователи концепта социальной солидарности традиционно тесно связывали его с решением конкретных проблем своего времени. Распад социальных связей и дезорганизация, возникающие в обществе во время перемен и трансформаций, сопровождаются ослаблением солидаристских настроений, обостряется антагонистичность интересов различных социальных групп, что усиливает конфликтный характер их взаимодействий. В такие времена важно показать преимущество социологической мысли относительно признания особой важности наличия в обществе запроса на единение в качестве ресурса стабилизации и развития.

Эволюция представлений об «обществе солидарности»

Разработанные в классической социологии концепты социальной солидарности и конфликта остаются актуальными и обе категории используются в обосновании возникающих в современном обществе проблем. В результате эволюции самого понятия, введенного О. Контом в середине XIX в., к настоящему времени и в западной, и российской социологической науке сформировалось многообразие трактовок самой идеи солидарности. О. Конт рассматривал солидарность в качестве универсального свойства природы в целом, которое в сообществе людей проявляется в форме феномена согласия между различными социальными группами, связывающего интересы различных страт и поколений посредством традиций и семейных ценностей (Конт, 1996).

Э. Дюркгейм, последовательно рассматривая формы солидарности в исторической ретроспективе, пришел к выводу о существовании двух ее форм: механической и органической. По мере усложнения общественных взаимосвязей недостаточность механической солидарности приводит к дезинтеграции семейных, политических и религиозных групп, что становится одной из главных причин глубокого кризиса таких сообществ (Дюркгейм, 1991). Возникновение органической солидарности он связывал с необходимостью функционирования более сложного социального организма, когда по мере углубления процесса разделения труда возникает общество дифференцированное.

Ценность процесса разделения труда Э. Дюркгейм видел не только в увеличении производительности труда, но и в том, что оно производит новые скрепы, необходимые обществу для нового уровня развития. Воззрения Э. Дюркгейма, особенно его идеи, связанные с трактовкой социальных последствий процесса разделения труда, изложенные в его первой книге «О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ» широко обсуждались в российской научной среде. Эта тематика специально анализировалась в трудах Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, В.М. Хвостова, Н.А. Рожкова, П.А. Сорокина и др. Акценты и предпочтения относительно форм солидарности, предложенные французским социологом и русскими мыслителями, существенно различались: его тезис об «органической» солидарности как «нормальном» следствии разделения труда был воспринят скептически.

Несмотря на идеологические размежевания между учеными, принимавшими участие в дискуссии, их отношение к разделению труда на тот момент было единым и явно составляло противовес воззрениям западных социологов, оценивающих этот процесс как благо. В российской социальной мысли преобладало мнение, что разделение труда разрушительно влияет на общество, уродует человеческую личность, порождает социальные антагонизмы. Идеалом человека для российских интеллектуалов того времени была не «специализированная» личность Дюркгейма, а «личность целостная» (Гофман, 2001).

Постепенно понятие солидарности практически повсеместно вышло за рамки научных рассуждений — его подхватили идеологи зарождающего рабочего движения. Анализируя исторический опыт Парижской коммуны, К. Маркс пришел к выводу, что в рабочий класс становится единственной силой, способной к «общественной инициативе», которая выходит за границы конкретных государств (Маркс, 1960). По мере нарастания проблем неравенства, абсолютного и относительного обнищания значительной части населения это понятие связывается с социальным вопросом и становится ядром марксистской идеологии.

В поисках того, что могло удержать общество от негативных последствий надвигающейся революции, социологическая мысль начала прошлого столетия значительное место отводила идее возможности социалистического пути дальнейшего общественного развития. Л. Буржуа, продолжая мысль своих предшественников об универсальном характере солидарности, в качестве единственного способа преодоления нарастающих в мире социальных дисбалансов видел развитие институтов взаимопомощи. Л. Буржуа считал, что государство обязано гарантировать всем гражданам право на труд, защиту от безработицы, болезни, доступ к образованию и пенсионному обеспечению (Буржуа, 1899). В 1895 г., пребывая на посту премьер-министра, ему удалось провести во Франции социальные реформы, в результате которых были введены значительные государственные гарантии: обязательное социальное страхование, расширено число рабочих-пенсионеров. Таким образом, социология становилась наукой, представители которой своевременно откликнулись на самые злободневные проблемы общества, которое они изучали.

Выявление причин, побуждающих людей объединяться, занимало значительное место в научном творчестве П.А. Сорокина. Его изыскания привели к выводу о том, что концепция Э. Дюркгейма об исторической тенденции перехода от механической солидарности к органической в реальности нигде не подтверждается. В каждом отдельном случае проявления совместных действий действует целая комбинация факторов, решающим же всегда является система ценностей и норм вовлеченных сторон. В целях достижения общегражданской солидарности в больших, этнически разнообразных сообществах П.А. Сорокин предлагал не путь «плавильного котла», но напротив, продвигал идею «единства в разнообразии» стимулирования и развития специфических черт и ценностей меньшинства наряду с формированием фонда ценностей, общих и для меньшинства, и для большинства (Сорокин, 1947).

По мере снижения остроты проблемы общественной дифференциации внимание исследователей переключается на вопросы о том, какие ценности и установки позволяют держаться вместе неравным в материальном отношении людям, что позволяет интегрировать самые различные моральные стандарты отдельных индивидов и формировать гражданское единство нации в целом. Расширяется исследовательское поле ресурса солидарности и его общественной значимости. Рассуждая в этом направлении, Т. Парсонс обратил внимание на то, общие ценности и установки, которые могут быть навязаны или отторгнуты, недостаточно объединяют людей. Выводить такое единение на более высокий уровень может лишь моральная ответственность за целостность системы. Понятие солидарности связывается им с системой определенных совместных действий, «которые требуются в интересах сохранения целостности самой системы, а другие — как действия, несовместимые с этой целостностью, в результате чего это определение становится осью, вокруг которой организуются санкции» (Парсонс, 1991).

В обществе, в котором реализуется данная модель деятельной солидарности, сограждане помимо общих ценностей связаны между собой и обязанностями, так как находятся на политически контролируемой территории определенного государства с его правом на легитимное насилие. Общество-государство, состоящее из совокупности коллективов, скрепленных внутренней сплоченностью, интеграция которых должна подкрепляться принуждением извне, вполне соответствовало социальной реальности середины 1950-х гг., которую описывал Т. Парсонс.

Новый поворот в развитии концепта солидарности был предложен Н. Луманом, он один из первых обратил внимание, что по мере умножения коммуникационных возможностей публичное общественное пространство расширяется, а устойчивость общественных систем может обеспечить усиление конфликтного потенциала в формах, которые не наносят бы ущерба социальным структурам (Луман, 2005). В условиях формирования новых общественных систем, отличающихся все более атомизированной социальной структурой и доминирующей в них идеологией индивидуализма, появляется необходимость нового уровня взаимного контроля. Казалось бы, управляя «индивидуализированным обществом» (Бауман, 2005), легче им манипулировать, но отстранение все большего числа граждан от участия в процессе принятия общественно важных решений неминуемо усиливает его нестабильность.

Размышляя о последствиях дефицита солидарности в разобщенном обществе, Н. Луман пришел к выводу, что *именно в условиях противостояния индивидуализму и зарождается запрос на солидарность*. Лишившись государственной поддержки, люди приступают к самопомощи и начинают объединяться. Н. Луман разводит понятие общества и территориального государства и рассматривает феномен солидарности за рамками привычных формул. Не поддерживая революционный путь в целом, считал возможным создание организаций, которые выдвигая властям требования расширения социальных гарантий, не отказывались от забастовок и других форм протеста (Луман, 1996).

Последующая эволюция концепта солидарности сопрягается с разработкой теории «общества риска». В работах Э. Гидденса, Н. Лумана и У. Бека раскрывается, каким образом рискогенные ситуации порождают мотивацию индивидов к самоорганизации и становятся мощным фактором трансформации социальной структуры общества. Социальные движения, сформированные на основе общности настроений «жертв рисков», побуждают к поиску «социальной и личной идентичностей и связей» (Бек, 1992). Устоявшиеся институты солидарности разрушаются, а новые, образующиеся на почве беспокойства и страха, способны инициировать мощные политические силы.

Данное направление активно разрабатывается и в российской социологии. Появляется новое понятие «риск-солидарность», теоретические рамки которого опираются одновременно как на активистскую парадигму социологии, где критериями выступают общность ценностей, социальной идентичности и плотности сетей взаимодействия, так и на конструктивистское направление в данной отрасли. В процессе исследования различных видов и форм «риск-солидарностей» был сделан вывод о том, что сосуществование и взаимосвязь уже устоявшихся и вновь образующихся форм объединения людей, даже и с ярко выраженным протестным мотивом, становится не отклонением, а нормой социальной жизни. Любой аспект идентичности различных субъектов может послужить основой солидаризации с представителями одной из них против другой. С усилением конфликтности современных сообществ появляется необходимость исследовать вопрос: в какой степени социальная солидарность обеспечивает стабильность социальной системы и является ли ресурсом ее обновления (Яницкий, 2011).

Такой подход представляется особенно важным в связи с тем, что в отечественной социологии преимущественно разрабатывается проблематика конфликта. По образному выражению А. Б. Гофмана, «...социология много и основательно

занималась и занимается тем, что в социальной жизни плохо. И это хорошо. Но она слишком мало занималась тем, что в социальной жизни хорошо. И это плохо» (Гофман, 2013).

В целом теоретическая ретроспектива раскрывает преемственность идей классической социологии в современных исследованиях социальной солидарности. Противостояние различных направлений продолжается в рамках признания, что полифония современных сообществ усложняет задачу проявления солидарности в форме не только пассивного сочувствия, но и реальных действий ради достижения общих целей. Весь предшествующий опыт солидаризации на фундаменте общих интересов, ценностей и институтов позволяет говорить о многообразии существующих форм и сфер, в которых она проявляется. Причем их разнородность при условии их объединения в целях достижения общественного развития способна дать синергетический эффект.

Современные типы и формы общественной солидарности

Дальнейшее усложнение общественного устройства значительно затрудняет описание и интерпретацию происходящих в нем процессов взаимодействия между отдельными людьми и социальными группами. Возможность виртуального общения людей в режиме реального времени меняет саму природу производства солидарных действий. Механизмы производства солидарности дополняются воздействием на расстоянии, когда оно направлено не на конкретного индивида или группу, а рассредоточено на их неопределенное множество (Луман, 2005).

Спектр новых систем взаимоотношений (интеракций) не укладывается в ранее сложившиеся рамки института солидарности. Появляется необходимость ввести понятийное различие между солидарностью, возникающей в общностях и интеракциями, с помощью которых она реализуется. Новые технологии, становясь как бы частью самого человека, позволяют ему участвовать в совместных действиях, преодолевая барьеры времени и пространства. Более всего это относится к новым поколениям, для которых средства коммуникации не только образуют важную сферу их жизненного пространства, но и являются как бы органической частью их естества (как новый член их организма). Этот феномен становится предметом исследования нового научного направления — медиаантропологии (*media anthropology*) (Малькова, Тишкова, 2016).

В целях теоретического осмысления эмпирических наблюдений динамики распространения данного явления и связанных с ним новых коммуникационных возможностей в рамках Европейской ассоциации социальных антропологов образована медиаантропологическая сеть, направленная на содействие международному сотрудничеству в области исследований антропологии средств массовой информации (*Media Anthropology Network, European Association of Social Anthropologists — EASA*).

В условиях нарастания неопределенности и нелинейности процесса смешения взаимодействия между старыми и новыми формами коммуникаций требуется и переосмысление традиционных для науки методологических приемов их описания, интерпретации и существующих представлений о том, в каком направлении современное медиапространство трансформирует социальный порядок (Шредер, 2017). В отечественной социологической науке формируется значительный задел для концептуализации и проработки аналитического инструментария исследований современного пространства социальных взаимодействий в контексте новых

возможностей, возникающий в условиях информационного общества. Разрабатываются подходы рассмотрения «infomodernity» как новой социальной реальности, организованной интерактивными сетевыми формами виртуального общения (Лапкин, Семенов, 2013).

Эта новая реальность не укладывается в рамки типологий и классификаций, пригодных для описания и интерпретации традиционных институтов. В рамках данных рассуждений становится востребованным термин «фронт» («подвижная граница»), употребляемый в случаях, когда речь идет о необходимости выработки новых подходов для объяснения процессов, происходящих в условиях «текущей современности» (the liquid modernity) (Бауман, 2008). Концептуальные идеи теории фронта применительно к социальному пространству были положены в основу исследований новых оснований кооперативных (солидарных) действий сетевых сообществ. Появляется понятие «сетевой фронт», которое обозначает подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения различных практик, объединяющих усилия граждан для совместного решения социально значимых проблем (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016).

Таким образом, мы можем наблюдать процесс расширения границ социальных взаимосвязей от «тесной вовлеченности» до публичного пространства направленных на достижение поставленных целей в рамках идейно-политической, гражданской, профессиональной, этнической, конфессиональной, культурной и множества других видов солидарности (Гофман, 2013). Исследовательское поле расширяется, и в качестве объекта наблюдения появляются разнообразные переплетения традиционных и новых форм солидарности, перемещающихся из виртуального мира в реальный. В рамках наших рассуждений рассмотрим некоторые из этих направлений, условно разделив их на два уровня — общегражданский и локальный.

Идейно-политическая солидарность. Стремительный процесс распада иерархичности прежнего мироустройства послужил началом возникновения тенденции деонтологизации картины мира. В процессе формирования запроса на новые интерпретационные модели и программы дальнейшего мироустройства актуализируется проблема согласования и солидаризации ценностей и интересов всех участников общественных отношений, что требует своего идеологического сопровождения. Однако процесс диффузий множества разновидностей, течений национальных и глобальных вариантов, значительно усложняет задачу.

В данном контексте, в качестве одного из таких примеров, можно рассмотреть современное позиционирование идей солидаризма. Путем сопоставления его концептуального ядра с содержанием наиболее известных на политической карте идеологий можно выявить то общее и особенное, что позволяет судить о перспективах их востребованности. Учитывая традицию определять ту или иную идеологию в координатах правых или левых, место солидаризма оказывается неопределенным. С позиции самоидентификации идеологов солидаризма, данный вопрос остается нерешенным из-за того, что многие из них предпочитают оставаться вне сферы данных координат (Пушкарев, 2003).

Современные приверженцы данного направления считают, что их убеждения позволяют проявлять солидарность с представителями самых различных направлений, выступая в одних вопросах заодно, а в других отстаивая другую точку зрения (Окара, 2010). Казалось бы, такая установка на открытость может способствовать организации общих конкретных солидарных действий, направленных на достиже-

ние тех или иных общественно значимых задач. Однако такое смешение зачастую приводит к конфликту личной идентичности, особенно если человек вынужден участвовать в различных комбинациях ценностных установок и связанных с этим действиях. Будучи лояльно настроенным по отношению к государству, человек может состоять с ним в конфликте относительно традиционных культурных и религиозных ценностей.

Рассмотрение конкретных форм и способов проявления идейно-политической солидарности различных субъектов (личностей, групп, движений, партий) показывает, что в реалиях современной жизни они тесно сопряжены с феноменом гибридной политической идентичности. Происходит микширование политических коммуникаций с обыденными контактами, которые все больше связывают самые различные социальные слои. Граждане, оказавшись вне сферы влияния традиционных легитимных форматов, постепенно начинают «вписываться» в совершенно новый политический ландшафт, включающий в себя партии нового типа. Такие объединения частично исполняют функции и традиционных партийных образований, и сетевых, получив благодаря этому названия «антиистеблишментских» или «неоистеблишментских», в зависимости от уровня их институализации (Морозова, 2014).

Находясь в состоянии противоречий и смешения идеологий трудно принимать решения во время избирательных компаний. В результате на политическом поле появляется так называемый «колеблющийся» электорат. Запутавшись в сетях, расставленных на рынке современных идеологий, многие предпочтут совершать свой электоральный выбор, «руководствуясь прагматическими соображениями, соотносящимися с политической конъюнктурой», т.е. усиливается ситуационный фактор (Холодковский, 2017). Процессы происходят с таким ускорением, что правящие элиты большинства современных государств не справляются с задачей их концептуализации.

Возможности и риски социальных взаимодействий в современном политическом пространстве постоянно видоизменяются вслед за появлением технических новинок. Один из последних этапов был охарактеризован как «миграция в мессенджеры», которые становятся и источником информации, и платформой для ведения блогов, открывающей новые возможности для свободы самовыражения. Благодаря увеличению количества операций посредством чат-ботов и добавлению некоторых социальных элементов, расширяющих возможности для поиска новых контактов, мессенджеры все активнее вытесняют социальные сети.

Как конкретно используются эти новые «инструменты общения» в момент принятия важных политических решений, удалось показать исследователю в области медиаантропологии Дж. М. Баттину. Во время проведения референдума 2015 г. в Греции был проведен опрос среди молодых людей, которые непосредственно присутствовали на митингах в Афинах и участвовали в них в режиме онлайн, находясь в различных концах мира. Участники событий виртуозно владели своими мессенджерами, которые, по образному выражению автора, стали частью их самих до такой степени, что любая техническая поломка вызывала состояние схожее с феноменом «фантомного лимба» (Баттин, 2016).

Перед участием в референдуме Ципраса люди обратились к своим мобильным устройствам, чтобы получить и обсудить информацию об экономической нестабильности страны и возможного эффекта выхода ее из еврозоны. По свидетельству

участников опроса, Facebook стал одним из надежных источников, так как туда стекались оценки ситуации от известных политиков и экономистов. Не менее важным оказалось и мнение людей из определенного социального круга, которые оставляли комментарии после прочтения той или иной статьи. В реальном режиме можно было посмотреть, какая сторона собирает наибольшую поддержку именно от своих друзей и единомышленников.

Все опрашиваемые говорили о том, что они попали как бы в единый поток, захвативший их желанием всеми силами выразить чувство единства и солидарности со всеми греками, успешно преодолевая барьеры расстояния и времени. Чувство отождествления себя с нацией, с Афинами древними и настоящими подкреплялось желанием иметь гарантии продолжения своей истории. Такие настроения не только доминировали внутри страны, но охватили греческие общины во всех регионах мира, о чем красноречиво свидетельствовали их голоса в социальных сетях. По мнению Дж.М. Баттина, референдум 2015 г., решая финансовые проблемы, превратился в демонстрацию силы национального единства и солидарности греческого мира перед лицом угрозы его разрушения.

В русле дискуссий о современных рисках и возможностях Интернета важное место отводится проблемам социальной мобилизации, влиянию феномена межличностных взаимодействий в режиме реального времени на политику и социальную динамику в целом. В рамках проекта (World Internet Project — Switzerland raschwir-CN Assembly) в Швейцарии несколько лет проводится представительский опрос населения по поводу использования Интернета и его влияния на различные сферы общественной жизнедеятельности. По результатам этих обследований был представлен специальный доклад «Интернет и политика, интернет-приложения и их использование», данные которого свидетельствуют о некотором скептицизме относительно «цифровой демократии» и не слишком больших ожиданиях граждан в отношении возможности улучшения политической системы Швейцарии благодаря возможностям расширения публичного интернет-пространства (Латцер, Бючи, Фестик, Джаст, 2017).

Многие исследователи предостерегают от опасности завышенных ожиданий от расширения возможностей гражданского участия в политических процессах (Мирошниченко, Морозова, 2017). С одной стороны, множество каналов, обеспечивающих разнообразие ландшафта современной медиасреды, значительно расширяет возможности граждан реально участвовать в принятии жизненно важных социально-политических решений. Вместе с тем современные технологии позволяют обеспечить и более жесткий контроль над реакциями и поведением потенциальных участников политического процесса. В массивном потоке информационных сообщений человеку все труднее становится уловить момент, когда манипуляции со стороны заинтересованных сил начинают управлять его настроением, а в итоге и политическим выбором.

В этой связи Ник Коулдри, британский специалист по медиа-коммуникациям, отмечает, что «пространство существования» современного человека становится все более конвергентным. Взаимодействия с этим пространством (от участия в коллективном действии, политическом или социальном, до сообщения (в форме check-in'a в социальной сети) и визуальной коммуникации (селфи в контексте города)) являются отнюдь не индивидуальными, но медиатизированными действиями. Поставщиком этой сети является совокупность участников экономической,

культурной и социальной деятельности, от телекомпании до городских властей, обеспечившей лицензию и доступ на рынок. Современный медиа-потребитель уже не может существовать в отрыве от коммуникационной сети, предоставляющей ему возможность такого взаимодействия (Коулдри, 2012).

Широкое распространение цифровых технологий ведет не просто к очередной смене технологического уклада и общественного устройства, но и кардинально меняет сознание и мировоззренческие позиции современного человека (Садовая, 2018). Учитывая всю совокупность факторов подобного рода влияний, формируются способы наблюдения за процессами формирования активных политических сообществ в социальных сетях, разрабатывается методология анализа их деятельности в онлайн-пространстве (Рябченко, Катермина, Гнедыш, Малышева, 2018).

Вследствие ослабления авторитета социальных институтов традиционного общества, дефицита механизмов социальной самореализации и гражданской активности, из-за разрыва между обещаниями политиков, полностью заполнявшими публичное пространство, и реальной жизнью граждан в обществе появляется готовность осваивать новые модели жизненных стратегий. Можно предположить, что в рамках этого процесса совершается делегирование полномочий представлять интересы людей, утративших свое доверие к традиционным общественным структурам, группам «одного требования». Эти сообщества носят нестабильный характер и, переходя от решения одной социальной проблемы к другой, зачастую намеренно «уходят» от попытки тех или иных структур их политизировать (Садовая, Сауткина, 2015).

Социальные сети становятся источником других ресурсов, составляющих основу социального капитала граждан. Проходит эпоха пространственного господства, порождающего различные формы манипуляции, и постепенно сменяется периодом неопределенности, чреватой возникновением социальных рисков, что способствует переносу социальных ожиданий на микроуровень (Бурдые, 2005). В направлении исследования потенциала солидарности современных сообществ применение понятия социального пространства связывается с рассмотрением взаимодействия социальных акторов как на макро-, так и на микроуровнях. В контексте идентификации различных групп, заполняющих значительную часть современного социального пространства, возникает необходимость определения уровня их взаимодействия, выработки эффективной модели адаптации граждан к самореализации в условиях этой новой реальности.

Гражданская солидарность — ресурс новой модели социального взаимодействия. Под влиянием структурных изменений начинается процесс конструирования приватного пространства, движущей силой которого становится субъективный фактор, когда доминируют индивидуальные интересы и опора на собственные силы. Границы «невмешательства государства» расширяются, публичное пространство отступает или конкурирует с приватным, обладающим своими уникальными характеристиками и свойствами.

Исследователи, рассматривающие приватное пространство как качественно новую реальность относительно прежних норм, правил и образцов достижения целей, устоявших прежде в публичном пространстве, усматривают в этом направленность общества на мобилизацию собственных ресурсов и положительно оценивают по отношению к традиционному патернализму в плане готовности осваивать новые модели социального действия. Таким образом, концепт приватного пространства в настоящее время связывается с кризисом, фрагментацией публичного простран-

ства и приобретает иной исследовательский аспект, позволяющий исходить из того, что приватное пространство не атомизирует общество, как было принято считать, а формирует иной вид социальных взаимодействий (Волков, 2017).

Опираясь на межличностную коммуникацию, мобильную связь, мессенджеры, блоги и ЖЖ у массы людей, появилась возможность не только сочувствовать, но и использовать знания ситуации на местах для организации срочной адресной помощи на собственные средства. *Формируется пространство гражданской солидарности, где активно практикуются способы взаимопомощи все в меньшей степени зависящие от необходимости обращения к официальным СМИ и государству.* Появляются «сети гражданской мобилизации» (СГМ), которые при необходимости могут вступать во взаимодействие с государственными структурами для решения конкретных социальных задач в рамках существующего правового поля (Усачева, 2012).

Для этих целей во всем мире широко применяется институт коллективных петиций. При помощи использования специального ресурса в сети Интернет после получения необходимого числа подписей те или иные требования граждан отправляют для обязательного рассмотрения властей. Вновь раскрывшиеся возможности содержат и новые проблемы. В их числе не только риски различных манипуляций в целях достижения каких-то групповых интересов, но возможность провала самых лучших начинаний из-за юридически неграмотного оформления и последовательности прохождения всех необходимых процедур. В целях предотвращения возможных контрдействий со стороны властей зачастую возникает необходимость обращаться к специалистам, чтобы переводить свои инициативы на юридический язык.

В качестве примера можно привести деятельность глобальной платформы Change.org, которая специализируется на формировании и продвижении петиций. Предоставляя своим пользователям инструменты и ресурсы для продвижения своих петиций, организаторы помогают реализовать важные для них перемены, в основном за счет широкого публичного оповещения, когда власти под давлением общественного мнения вынуждены принимать решения. Как правило, поданные петиции не имеют юридической силы, так как не всегда возможно точно указать число подписавших (из-за возможности «накруток»). В целом число «победивших» петиций выше всего в США, а в странах ЕС этот показатель ниже, чем Российской Федерации (Савелов, 2016).

Способность гражданского общества, включая его организации и отдельных людей, оперативно используя сетевую мобилизацию всех имеющихся ресурсов, решать проблемы в условиях бедствия проявилась во время лесных пожаров 2010 г., охвативших значительную часть РФ. Инертность властей, действующих в режиме ручного управления, стала толчком реальной активности граждан, проявивших свою солидарность с терпящими бедствие людьми. Изучая последствия лесных пожаров непосредственно в местах пострадавших от этой катастрофы, социологи пришли к выводу, что после тушения наступает не менее трудный и ответственный период — «фаза реабилитации». Для полного восстановления требуется не только значительные финансовые затраты, но и усилия в целях эффективного использования ресурсов со стороны большого числа специалистов и добровольцев (Яницкий, 2010).

События 2010 г. дали значительный толчок для объединения граждан, желающих и в дальнейшем использовать полученный опыт и на безвозмездной основе уча-

ствовать в ликвидации последствий различных катастроф. Появляется «Сообщество добровольцев чрезвычайного реагирования», члены которого не только активно участвуют в работе в случае ЧП по всей стране, но и поддерживают и укрепляют свое единство в совместных акциях и мероприятиях. Для оперативного реагирования сообщество имеет свой сайт (<https://pozar-ru.livejournal.com/>), где размещается вся необходимая информация.

Полученный в России опыт, а также изучение реакции местных властей на внезапные природные катаклизмы в других регионах мира, позволили исследователям выделить особую роль «локального знания» в налаживании эффективных контактов между жителями и государственными структурами в экстремальных условиях (Ирвин, 2001). Благодаря современным технологиям эффект «локального знания» значительно усиливается: появление онлайн-сетей расширяет возможности солидарных действий. В условиях бедствия различные организации, официальные лица и местные жители на городских и региональных форумах, в блогах и ЖЖ имеют возможность координировать свои действия режиме реального времени.

Знакомство с конкретными делами тех людей, которые доказали свою готовность на солидарные действия ради общего блага, показывает, что в обществе есть запрос на восстановление порушенных стихиями рынка межличностных связей и взаимного доверия, без которых трудно рассчитывать на созидание и развитие.

Солидарная экономика. В поисках новых ростков развития важно обращаться к самым различным формам солидарности — не только к совместным выступлениям против принятия очередных антисоциальных законов, но и к поиску новых ниш совместного хозяйствования. В процессе разложения прежних структур, происходящего в результате кризисных явлений, формируются новые образования, появляются самоуправляющиеся сегменты, где различные кооперативы, банки времени, параллельные валюты вращаются в отличном от прежней рыночной системы ритме. Наблюдения за развитием данных тенденций привели и ученых экономистов, и практиков к идее необходимости возрождения солидарной экономики.

Инновационный стержень данного проекта заключается в том, чтобы вновь создаваемые объединения оставались уникальными на своей земле, а не тиражировались, превращаясь в нечто стандартное, унифицированное. В настоящее время уже множество союзов, действующих на основе самых разных способов управления общими ресурсами, на практике показали свою жизнеспособность. В результате принципы, на которых базируется солидарная экономика, стали основополагающими для целого движения, распространившегося на все континенты. Со временем раскрываются его новые направления: вслед за какой-то оригинальной идеей рождается способ ее реального воплощения.

Помимо родовых черт, присущих кооперативной форме ведения хозяйства, каждая новая форма имеет особые характеристики, обусловленные отраслью ее функционирования. Однако таким предприятиям трудно вступать во взаимодействие со структурами, работающими по старой схеме. Процесс проходит сложно и противоречиво: новые социальные предприятия представляют собой живой организм, спонтанно рождающийся на локальном уровне, который не терпит «нажима» сверху, но в тоже время нуждается в поддержке со стороны общества и государства.

В настоящее время такой вид хозяйствования с его возможностями приспособливаться и заполнять самые различные ниши и пустоты мирового рынка

становится важным стабилизирующим звеном в экономике самых развитых стран. Особенно интенсивно развивает кооперация в сельском хозяйстве. В США около 84% молочной продукции производят именно кооператоры. По данным статистики в Европе в целом на всех предприятиях, работающих на основе принципов солидарной экономики, трудится 129 504 780 чел., что обеспечивает устойчивость и стабильность жизни и всех остальных членов их семей (Егоров, Штоль, Иншаков, 2017). Французская статистика подтверждает наличие устойчивой тенденции к возрождению этой модели развития: на долю солидарной экономики там приходится 10% валового национального продукта. Такой масштаб данной экономической модели во Франции позволяет решать с ее помощью наиболее болезненные проблемы современного общества: неравенство доходов, загрязнение окружающей среды, угнетение и загнивание тех территорий, которые из-за последствий глобализации оказались на периферии общенационального развития (Сауткина, 2017).

В настоящее время сфера деятельности таких институтов в значительной мере расширилась. Это — общественные организации и общества взаимопомощи, кооперативы, фонды, профессиональные объединения социальной направленности. Существуют и четко обозначенные принципы, которые объединяют все эти структуры: совместное администрирование и управление; ограничение размеров прибыли; запрет на спекуляцию долевыми паями предприятия. Кроме того, есть и моральные установки: приверженность принципам солидарности и взаимопомощи.

Возникновение множества успешных предприятий, работающих на принципах солидарной экономики, а также глобальных сетей, объединяющих единомышленников в поиске новых связующих нитей между социумом и экономикой, позволяет надеяться на возрождение к жизни пространств «затерянных» в глобальном мире. Движение за возрождение солидарной экономики становится одним из значительных явлений, подтверждающих живое участие граждан в поисках альтернативы социального развития.

Накопленный человечеством опыт совместных действий, анализ и интерпретация их последствий показывает, что наличие или отсутствие в обществе запроса на солидарность ярче всего проявляется в период кризиса, когда под давлением самых разнообразных вызовов, не просто ухудшающих положение граждан, но составляющих реальную угрозу их существования, появляется необходимость солидарного поведения. В этих условиях все больше людей осознают необходимость поступиться своими интересами и примкнуть к той группе людей, которые именно в действиях, основанных на принципах солидарности, видят единственный способ решения своих насущных проблем. Каждое конкретное время рождает свои формы и способы объединиться, но всегда именно способность к солидарным действиям помогает народам не просто выжить, но и выйти на новый этап своего развития.

Библиографический список

- Бурдые, П. (2005). *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя.
- Буржуа Л. (1899). *Солидарность*. М.: А. А. Никитин.
- Волков, Ю. Г. (2017). Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидарностского потенциала новой социальной реальности. *Социологические исследования*, 12, 20–29. DOI: 10.7868/S0132162517120030.

- Гофман, А. (2001). *Эмиль Дюркгейм в России: Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли*. М.: ГУ ВШЭ.
- Гофман, А. (2013). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции. *Социологический ежегодник*, 1, 97–167. Режим доступа <https://rucont.ru/efd/476559>
- Добренков, В. (ред.). (1996). *Западно-европейская социология XIX века. О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер: Тексты*. М: Международный университет бизнеса и управления.
- Дюркгейм, Э. (1991). *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.
- Егоров, В. Г., Штоль, М. В., Иншаков, А. А. (2018). Сельскохозяйственная кооперация: вопросы теории, региональный аспект. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, 3 (55). Режим доступа <https://eee-region.ru/article/5501/>.
- Лапкин, В. В., Семененко, И. С. (2013). «Человек политический» перед вызовами «infomodernity». *Полис. Политические исследования*, 6, 64–81.
- Луман, Н. (1996). Общество, интеракция, социальная солидарность. *Человек*, 3, 100–107.
- Луман, Н. (2005). *Реальность массмедиа*. М.: Праксис.
- Луман, Н. (2005). *Эволюция*. М.: “Логос”.
- Малькова, В. К., Тишкова, В. К. (ред.) (2016). *Антропология медиа: теория и практика*. М.: ИЭА РАН.
- Маркс, К. (1960) Гражданская война во Франции. В К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. Изд. 2. М: Государственное издательство политической литературы (с. 347–348). Москва: Политиздат.
- Мартынова, Е. Директор Change.org Дмитрий Савелов: «Каждый день выигрывает одна петиция». *Новые известия*. Режим доступа <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktor-shangeorg-dmitrij-savelov-kazhdyj-den-vyigryvaet-odna-peticija>
- Мирошниченко, И. В. Морозова, Е. В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Политические исследования*, 2, 82–102. Режим доступа <https://dlib.eastview.com/browse/doc/48608489>
- Морозова, Е. В. (2014). Гибридные субъекты публичной политики: антиистеблишментские партии. *Вестник ВГУ Серия: История. Политология. Социология*, 4, 90–93.
- Пушкарев, Б. (2003). Российский солидаризм: вчера и сегодня. *Посев*, 4, 11–18.
- Рябченко, Н. А., Катермина, В. В., Гнедаш, А. А., Малышева, О. П. (2018). Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19 (3), 139–162.
- Садовая, Е. С. (2018) Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19 (3), 6–20.
- Садовая, Е. С., Сауткина, В. А. (2015). *Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект*. М.: ИМЭМО РАН.
- Сауткина, В. А. (2017). Возрождение солидарной экономики: попытка реализации утопии или реальная мотивация к развитию? *Мировая экономика и Международные отношения*, 61 (1), 63–71.
- Усачева, О.А. (2012). Гражданское общество и правовое государство. *Общественные науки и современность*, 6, 35–42.
- Яницкий, О. Н. (2010). Модернизация и реабилитация после пожаров и наводнений. *Вестник Института социологии*, 1, 364–377.
- Яницкий, О. Н. (2011). Риск солидарности в критической ситуации. *Социологический ежегодник*, 1, 143–161.
- Battin, J. M. (2005). The Essence That Is Belonging Together: Identity, Embodiment, and Skillful Coping During the 2015 Greek Referendum. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244017717300>

- Beck, U. (1992). *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE.
- Couldry, N. (2012). *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*, Malden, MA: Polity. Press. Retrieved from: file:///C:/Users/User/Downloads/3472-13971-1-PB%20(1).pdf
- Irwin, A. (2001). *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity. Retrieved from <https://trove.nla.gov.au/work/16029354?q&versionId=46553503>
- Latzer, M., Büchi, M., Festic, N., Just, N. (2001). *Internet und Politik in der Schweiz 2017*. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/321288050>
- Sorokin, P. (1947). The Roles of Similarity and Dissimilarity in Social Solidarity and Antagonism. In Sorokin P.A. *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology* (pp. 132–144). N.Y.; L.: Harper a. bros.
- Schroeder, R. (2017). Towards a Theory of Digital Media. *Information, Communication & Society*, 21 (2), 1–17. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1289231

Статья поступила в редакцию 04.04.2019

Статья принята к публикации 25.04.2019

Для цитирования: Сауткина В. А. *Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность.* — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 70–85.

PUBLIC REQUEST FOR SOLIDARITY: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERN REALITY

V. A. Sautkina

Vera A. Sautkina, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6891-7726

Abstract. It is assumed that in the present-day individualized and culturally diverse society there is an urgent need for a new form of solidarity to bring people together. During transitional periods the need for people to stick together is increasing. Losing the opportunity for real cooperation in solving problems in the sphere of social well-being and in searching for new goals and purports, makes people look back, discover new senses in the long-forgotten past, and move ahead. At such times, the phenomenon of solidarity is becoming the major factor in the development of mutual aid institutions for individuals, social groups and communities, which is well traced in scientific discourse. The research of the solidarity phenomenon is becoming all the more complicated because it is discussed across the most diverse types of discourse, including ideological and political ones. While interpreting the phenomenon of solidarity in every concrete event of social reality, whether it is registered or not, it is important not to be involved into only one or the other. Since it is a well-established fact that ideological and political discourses are often confused, this approach seems an important methodological problem, most difficult to solve. The article is aimed at assessing the prospects of civic participation and at creating an institutional environment of interaction in which readiness for solidarity practices is manifested. The research is based on the assumption that at the time when a new social reality is being created and when individuals and groups of people simultaneously exist in two dimensions (traditionally institutionalized and virtual), there appear some new ways of causing joint actions. With the help of the methodological approach whose aim is to examine the phenomenon of solidarity from three angles (social, political and economic) the research demonstrates the birth of new types and forms of solidarity that open up new vistas for consolidation, as well as risks of undue risks.

Keywords: ideological and political solidarity, solidarism, risk-solidarity, social space, private space, civil solidarity space, solidary economy.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-70-85

References

- Battin, J. M. (2005). The Essence That Is Belonging Together: Identity, Embodiment, and Skillful Coping During the 2015 Greek Referendum. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244017717300>
- Beck, U. (1992). *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE.
- Bourdieu, P. (2005). *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space] SPb.: Aletejja; M.: Institut eksperimental'noj sociologii.
- Bourgeois, L. (1899). *Solidarnost'* [Solidarity]. Moskva: A. A. Nikitin.
- Couldry, N. (2012). *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*, Malden, MA: Polity. Press. Retrieved from: [file:///C:/Users/User/Downloads/3472-13971-1-PB%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/3472-13971-1-PB%20(1).pdf)
- Dobren'kov, V. (Ed.) (1996). *Zapadno-evropejskaya sotsiologiya XIX veka*. O. Kont, D. S. Mill', G. Spenser: *Teksty*. [Western European sociology of the XIX century. O. Kont, J. S. Mill, G. Spencer: Texts]. M.: Mezhdunarodnyi universitet biznesa i upravleniya.
- Durkheim, E. (1991). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society. Method of Sociology]. M.: Nauka.
- Egorov, V. G., Shtol', M. V., Inshakov, A. A. (2018). Sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya: voprosy teorii, regional'nyi aspekt. [Agricultural Cooperation: Theoretical Issues, the Regional Dimension]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal], 3 (55). Retrieved from <https://eee-region.ru/article/5501/>.
- Gofman, A. (2001). *Emil' Dyurkgeim v Rossii: Retseptsiya dyurkgeimovskoi sotsiologii v rossiiskoi sotsial'noi mysli* [Émile Durkheim in Russia: Reception of Durkheimian Sociology in Russian Social Thought]. M.: GU VShE.
- Gofman, A. (2013). Solidarnost' ili pravila, Dyurgeim ili Khaiek? O dvukh formakh sotsial'noi integratsii [Solidarity or Rules, Durheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook], 1, 97–167.
- Irwin, A. (2001). *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity. Retrieved from <https://trove.nla.gov.au/work/16029354?q&version-Id=46553503>
- Lapkin, V. V., Semenenko, I. S. (2013). "Chelovek politicheskii" pered vyzovami «infomodernity» ["A Person Political" before the Challenges of "Infomodernity"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Researches], 6, 64–81.
- Latzer, M., Büchi, M., Festic, N., Just, N. (2001). Internet und Politik in der Schweiz 2017. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/321288050>
- Luman, N. (1996). Obshchestvo, interaktsiya, sotsial'naya solidarnost' [Society, Interaction, Social Solidarity]. *Chelovek* [Human], 3, 100–107.
- Luman, N. (2005). *Evolutsiya* [Evolution]. M.: "Logos".
- Luman, N. (2005). *Real'nost' massmedia* [Reality of the Media] M.: Praxis.
- Mal'kova, V. K., Tishkova, V. K. (Eds.) (2016). *Antropologiya media: teoriya i praktika* [Media Anthropology: Theory and Practice] M.: IEA RAN.
- Martynova, E. Direktor Change.org Dmitriy Savelov: "Kazhdyy den' vyigryvaet odna peticiya". [Dmitriy Savelov, Change.org Director: "One Petition Wins Every Day"]. *Novye izvestiya* [Novye Izvestia]. Retrieved from <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktor-shangeorg-dmitrij-savelov-kazhdj-den-vyigryvaet-odna-peticija>
- Marx, K. (1960) *Grazhdanskaya voyna vo Frantsii*. [Civil War in France.]. In K. Marks, F. Engel's. *Works*. 2nd impression (347–348). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Miroshnichenko, I. V. Morozova, E. V. (2017). Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya. [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], 2, 82–102 .

- Morozova, E. V. (2014). Gibrnidnye subʹekty publichnoi politiki: antiestablishmentskie partii [Hybrid Agencies of Public Policy: Antiestablishment Parties]. *Vestnik VGU Seriya: istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 4, 90–93.
- Pushkarev, B. (2003). Rossiiskii solidarizm: vchera i segodnya [Russian Solidarity: Yesterday and Today]. *Posev* [Posev], 4, 11–18.
- Ryabchenko, N. A., Katermina V. V., Gnedash, A. A., Malysheva, O. P. (2018). Politicheskii kontent sotsialʹnykh dvizhenii v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatelʹskaya praktika [Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Methodology of the Analysis and Research Practices]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialʹnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 19 (3), 139–162.
- Sadovaya, E. S. (2018). Chelovek v tsifrovom obshchestve: dinamika sotsialʹno-trudovykh ot-noshenii. [People in a Digital Society: Dynamics of Social and Labor]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialʹnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 19 (3), 6–20.
- Sadovaya, E. S., Sautkina, V. A. (2015). *Transformatsiya printsipov sovremennogo miroustroistva: sotsialʹnyi aspekt* [Transformation of the Principles of the Modern World Patterns: the Social Aspect]. M.: IMEMO RAN.
- Sautkina, V. A. (2017). Vozrozhdenie solidarnoi ekonomiki: popytka realizatsii utopii ili realʹnaya motivatsiya k razvitiyu? [A Revival of Solidarity Economics: Attempt at Implementing or a Real Motivation to Develop?]. *Mirovaya ekonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 61 (1), 63–71.
- Schroeder, R. (2017). Towards a Theory of Digital Media. *Information, Communication & Society*, 21 (2), 1–17. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1289231
- Sorokin, P. (1947). The Roles of Similarity and Dissimilarity in Social Solidarity and Antagonism. In Sorokin P.A. *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology* (pp. 132–144). N.Y.; L.: Harper a. bros.
- Usacheva, O. A. (2012). Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo [Civil Society and the Rule-of-Law]. *Obshchestvennye nauki i sovremennostʹ* [Social Sciences and Modernity], 6, 35–42.
- Volkov, Yu. G. (2017). Privatnoe prostranstvo: opyt sotsiologicheskoi refleksii solidarstskogo pogtentsiala novoi sotsialʹnoi realʹnosti [Private Space as a Research Problem of Sociological Reflection of the Solidarist Potential for New Social Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12, 20–29. DOI: 10.7868/S 0132162517120030.
- Yanitskii, O. N. (2010). Modernizatsiya i rehabilitatsiya posle pozharov i navodnenii [Modernization and Aftercare Following Fires and Floods]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1, 364–377.
- Yanitskii, O. N. (2011). Risk solidarnosti v kriticheskoi situatsii [The Risk of Solidarity in a Critical Situation]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook], 1, 143–161.

Received 04.04.2019

Accepted 25.04.2019

For citation: Sautkina V.A. Public Request for Solidarity: Historical Retrospective and Modern Reality.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 70–85.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).